

567. Смех сквозь слезы.

Ван Линь покинул берег реки и медленно брел в темноте вечерних сумерек. Шедшие сзади него два солдата оба сверлили его спину, и в глазах их отчетливо виднелось недоумение.

По их мнению, Ван Линь сейчас потратил кучу времени, не считая прогулки, просто оцепенело стоя на берегу реки. Небо уже стало непроглядно-черным, а Ван Линь по-прежнему идет все так же нерасторопно.

В городе Хун с наступлением ночи включались фонари, и было почти так же светло как и днем.

Ван Линь медленно шел, и сейчас взгляд его упал на один из немногих темных участков города. В темноте стояло довольно большое строение, окутанное подавляющей аурой.

Аура была наполнена мыслями о смерти и негодованием.

«Это тюрьма Хун – одна из четырех крупнейших тюрем столицы!» - негромко произнес один из солдат, увидев, куда смотрит Ван Линь.

«Тюрьма Хун», - кивнул головой Ван Линь.

«В этой тюрьме были заключены только опасные преступники, и их охраняют весьма строго и тщательно. Если у тебя нет таблички с разрешением на вход, ты не пройдешь в тюрьму», - продолжал рассказывать солдат.

Ван Линь окинул внимательным взглядом тюрьму. Он и до этого чувствовал, что внутри нее витают мощные потоки демонической энергии. И этот этих потоков веяло такой дерзостью и силой, которые ничуть не уступали генералу Мо Лихаю. Ненадолго задумавшись, Ван Линь побрел в сторону резиденции Мо.

Вернувшись туда, Ван Линь решил сразу пойти к генералу. Генерал Мо Лихай сейчас сидел, погружившись в медитацию. Когда Ван Линь распахнул двери и вошел к нему, он раскрыл глаза.

«Мне нужно пойти в тюрьму Хун. Мо, брат, можешь мне подсобить в этом?» - напрямую спросил Ван Линь.

«Подсобить?» - в растерянности произнес Мо Лихай. Он взглянул на Ван Линя и задумался. Генерал не стал спрашивать причину, а произнес: «Сделать это немного проблематично!»

Ван Линь нахмурился: «Если так, то ладно, не надо».

Мо Лихай улыбнулся в ответ: «Сколько времени ты хочешь там провести?»

«Месяц!» - ответил Ван Линь.

«Хочешь заняться культивацией?» - спросил генерал, и взгляд его заострился.

Ван Линь посмотрел на генерала в ответ и, кивнув, произнес: «Мне нужно много убивать. Если я буду делать это в городе Небесных демонов, то, боюсь, у меня возникнут проблемы».

Подумав немного, Ван Линь добавил: «Если у меня все пройдет успешно, то я стану еще более надежным помощником для тебя!»

Мо Лихай, услышав это, поднялся на ноги. Смотря на Ван Линя, он очень четко произнес: «Ты уверен?»

Вместе слов Ван Линь взмахнул правой рукой, и пять потоков серой ци закружились у него между пальцами. Со свистом они устремились к Мо Лихаю, похожие на пять китайским драконов.

Мо Лихай засмеялся и взмахнул кулаком, разбивая потоки ци. Раздались раскаты грома, а затем пять потоков серой ци потеряли свою форму. Вдруг улыбка исчезла с лица Мо Лихая. Станный блеск зажегся в его глазах, и он отступил на три шага назад.

Однако затем серая ци вновь начала двигаться, приобретая формы. Наконец, она вновь сформировалась в 5 драконов, из которых исходила густая ци убийства, которая в мгновение ока заполнила собой окружающее пространство. Стражники резиденции Мо, встревоженные происходящим, поспешили сюда.

Одновременно с этим пять потоков ци со свистов бросились к генералу. Мо Лихай вновь взмахнул кулаком, раздался грохот. Потоки серой ци со скоростью молнии промелькнули возле кулака генерала и понеслись к его груди.

В тот момент, когда убийственная ци подлетела достаточно близко, в семи дюймах от тела Мо Лихая возник заслон из демонической энергии. Потоки ци, ударив в него, отлетели назад.

Однако и заслон демонической энергии сильно зашатался.

«Если бы потоков серой ци было бы несколько тысяч, ты бы все равно отразил бы их всех с такой же легкостью», - медленно произнес Ван Линь.

Глаза Мо Лихая странно сверкнули. Он однажды уже видел подобные потоки ци, однако на этот раз они были на порядок сильнее, чем раньше. Он твердо произнес: «Один месяц - это слишком много, я не смогу пустить тебя на такой срок. А вот семь дней - не проблема. В тюрьме Хун сейчас содержится больше 10 000 опасных преступников, и недели вполне будет достаточно для тебя. Подожди пока, через три дня я сообщу наверняка».

Ван Линь кивнул и, развернувшись, вышел из комнаты.

Мо Лихай остался один в комнате. Он погрузился в раздумья и пробормотал: «А Ван Линю палец в рот не клади. Я поступил правильно, когда обменял жизнь Тринадцатого на его лояльность! Даже если не брать в расчет отпечаток ладони, сила этой серой ци необыкновенна. В его распоряжении пока только пять потоков ци, и они не могут раскрыться в полную мощь, однако они уже заставили задрожать мою демоническую энергию. Эти потоки ци были острее некоторых демонических мечей. Он применил эту технику во второй раз, и что самое важное, тут чувствуется, что с серой ци произошло какое-то изменение, которое я пока не могу понять. Она смогла воздействовать на жизненную силу в моем теле! Если Ван Линь действительно сумеет сформировать несколько тысяч потоков ци, то я не захотел бы оказаться в числе его врагов. Мне нужно установить с ним более близкие отношения!»

С этими мыслями генерал вышел из дома и отправился по исполнять просьбу Ван Линя.

Ван Линь же не стал возвращаться в дом, а вновь уселся во дворе. Тут стояла тишина, однако в голове Ван Линя эхом раздавалась музыка цитры.

Мелодия была хоть и тихая, однако весьма изящная и приятная на слух. Она еще очень долго

звучала в голове Ван Линя.

В эту ночь Ван Линь не стал тренировать техники, самосовершенствоваться или заниматься дыхательной практикой. Он позабыл даже и о технике Убийства Бессмертных. Он спокойно сидел во дворе и молчаливо взирал на яркие звезды, слушая мелодию цитры у себя в голове. Ярko светила луна, и в ее свете Ван Линь отбрасывал длинную тень. И эта тень делала погруженный в тишину сад еще унылей.

Перед Ван Линем стоял кувшин с отличным вином из города Древних демонов. Время от времени Ван Линь, увлеченный музыкой, прикладывался к вину, и от этого его тоска становилась все пронзительней. Грусть Ван Линя слилась с лунным светом и осветила все вокруг.

«Я, Ван Линь, вступил на путь изучения Дао в 16 лет. И вплоть до сегодняшнего момента я тратил попусту время, я не знаю ничего конкретного», - подумал Ван Линь и, подняв кувшин, сделал большой глоток вина. Часть напитка он пролил, и вино запачкало ему одежду.

Ван Линь посмотрел на свет звезд, и в глазах его проявилось одиночество.

«Идущий по пути культивации, противостоящий небесам, по определению одинок», - сказал он.

Ван Линь все еще слушал несуществующую музыку цитры. Он вытер капли вина вокруг своего рта и пробормотал: «Лишь будучи одиноким всю жизнь, можно найти верную дорогу. Некоторым людям известен вкус такого одиночества, он подобен этому вину. Горчит, когда попадает в рот, а затем наполняет желудок теплотой».

Освещаемая светом луны, одинокая тень продолжала пить вино слушать музыку цитры.

«Я не понимаю, как те монахи, которым уже десятки тысяч лет, выдерживают такое долгое одиночество. Но я знаю одно, если у тебя в сердце не осталось чувств, и ты полагаешь самого себя целью и путем, то это не истинный путь Дао! Вселенная по своей сути бесчувственна, и если монах, идущий по пути противостояния небу, тоже будет не иметь эмоций, то как он может заявлять, что он противостоит воле неба? С давних пор покорные воле неба были любимчиками этого мира. Однако все они были ничтожествами! Мой же путь - путь противостояния небу, путь чувств и эмоций. Я ищу не только бессмертия, но более того! Я не хочу быть ничтожеством, я выбираю путь борьбы!»

Ван Линь сделал глоток, допивая остатки вина, а затем бросил опустевший кувшин в сторону. Ударившись о землю, сосуд раскололся. Ван Линь потер правой рукой свой лоб. Он лег на бок, и глаза его постепенно закрылись. Лунный свет стал таким густым, что струился сквозь пальцы.

Когда пришло время рассвета, Ван Линь открыл глаза и поспешил забыть все происшедшее ночью: вино, опьянение, музыку цитры. Все это Ван Линь, пробудившись, постарался спрятать как можно глубже в своем сердце и больше не вспоминать об этом.

Три дня прошли довольно быстро. Все это время Ван Линь не занимался самосовершенствованием. Вместо этого он каждое утро на рассвете покидал резиденцию Мо и отправлялся к берегу реки. Там он ждал, когда на воде вновь появится тот корабль, и короткое время наслаждался музыкой.

Печальная музыка цитры заполняла мысли Ван Линя. Она проходила сквозь запретные воспоминания и проникала в глубины его души.

Ван Линь так и стоял погруженный в мелодию цитры, проникая в ее звуки, попутно попивая купленное солдатами вино.

Женщина на корабле и не подозревала, что на протяжении трех дней кто-то с таким большим участием слушал ее музыку. Но каждый раз, когда лодка проплывала в этом месте, на душе женщины становилось еще печальнее.

Печаль эта наполняла собой красивые руки девушки и заставляла ее отражать свое настроение в музыке.

Эти три дня Ван Линь проел в полной безмятежности. Он отдалился от борьбы и кровавых сражений, на время забыл об опасности, грозящей ему в лице Та Сеня, забыл свой уговор с Мо Лихаем, забыл свои надежды на достижение уровня Веньдин. Его окружала лишь музыка цитра, да вино. За эти три дня Ван Линь испытал духовное очищение.

Ван Линь никогда не пытался рассмотреть лицо женщины. Было достаточно лишь ее силуэта и музыки.

Если бы Мо Лихай так и не выполнил своего обещания по поводу тюрьмы, Ван Линь так и продолжил бы сидеть и обогащаться духовно. Ван Линь и сам не знал, сколько он мог бы так просидеть. Наверное, до тех пор, пока не оборвались бы струны и не замолкла бы музыка.

Ван Линь встал, наконец отвлекшись от музыки, и бросил взгляд на удаляющийся корабль. Затем, развернувшись, пошел прочь.

Когда он развернулся, стоящая на корабле женщина тоже обернулась и посмотрела на берег реки. Перед глазами ее была темнота, однако она разглядела силуэт уходящего мужчины.

«Мин Сюань, на что ты там смотришь?» - сбоку от женщины раздался равнодушный голос.

Музыка цитры внезапно остановилась.

Женщина обернулась и наклонила голову вниз. Ее блуждающая по струнам ручка слегка задрожала. Прозвучавший голос был для нее гласом неба, она не могла ему не подчиняться.

«Твоя мелодия слишком грустная, клиент хочет, чтобы ты сыграла что-то другое!» - вновь раздался спокойный голос, которому было так трудно отказать.

Женщина на миг задумалась, а затем ее руки вновь побежали по струнам цитры, но теперь мелодия была другой. Теперь она повеселела и стала похожа на теплый весенний день.

«Очень хорошо, вот так и продолжай играть!» - вновь раздался голос.

Новая мелодия была веселой, но если вслушиваться в нее внимательно, можно было обнаружить в самой ее глубине плач.

В плаче были и трагедия, и страдание. Если описать эту музыку тремя словами, то будет: смех сквозь слезы.

Музыка продолжала литься, и смех гостей на кораблей контрастировал с ней.

Мелодия была наполнена горечью и страданием, Мин Сюань была уверена, что никто не сможет этого разгадать.

Музыка все уплывала вместе с кораблем, оставляя рябь на поверхности реки, которая медленно плыла к обоим берегам.

<http://tl.rulate.ru/book/22/71800>